

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

ОБ ИСПОЛЬНЫХ АРЕНДАХ В ИРАКЕ В VIII в.

Нельзя написать историю социального строя халифата, не зная как следует непосредственного производителя сельского хозяйства. В настоящей статье хотелось бы остановить внимание на одной чрезвычайно существенной категории возделывателей земли в Ираке VIII в., составлявшем самое сердце хозяйственной и культурной жизни халифата. Я имею в виду так называемых *испольщиков*, т. е. тех возделывателей земли, которые в арабских источниках известны под терминами: *мунāсиф*, *‘āмир*, *аккār*, *шарйк*, *‘āмил*.¹ Фигура *испольщика* достаточно хорошо знакома нам как по истории Запада, так и России. Однако нигде *испольщик* не играл такой крупной роли в жизни сельского хозяйства, как на Востоке. Конкретная историческая среда, в которой можно найти *испольщика*, весьма различна. В качестве видной фигуры выступает *испольщик* в эпоху разложения рабовладельческого общества, значительное место занимает он в качестве непосредственного производителя при феодализме, имеется он, наконец, и в капиталистическую эпоху.

Конечно, в зависимости от способа производства, в условиях которого производит *испольщик*, резко меняется и его социальное содержание: между *испольщиком* разлагающегося рабовладельческого общества и *испольщиком* феодализма эпохи его разложения то коренное различие, что ближайшей перспективой первого является превращение в крепостного, а второго — в наемного сельского рабочего. Блестящий анализ *испольных аренд* эпохи нарождающегося капитализма дан В. И. Лениным в его классической работе „Развитие капитализма в России“.²

Свою статью об *испольщике* и его месте в системе сельскохозяйственного производства VIII в. хотелось бы начать с перевода интересной и весьма содержательной главы из „Книги о *харадж*“, написанной известным арабским правоведом-практиком и политическим деятелем второй половины VIII в. Абū Йūsuf Иа‘кūб³ и посвя-

¹ Характерно, что даже на крайнем западе феодального мусульманского мира в далекой от Ирака Испании мы встречаем *испольщиков* под терминами *‘āмир* и *мунāсиф*, см.: E. Levi Provençal. L'Espagne musulmane au X-ème siècle..., 1932, p. 161.

² В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 144—150.

³ Абū Йūsuf Иа‘кūб был родом из Кūфы. Время его жизни 113—182/731—798 гг. В юности Абū Йūsuf работал в мастерской валяльщика. Рано обнаружив склонность и способность к учению, он, благодаря личной энергии и счастливым обстоятельствам, получил прекрасное для своего времени юридическое образование. Абū Йūsuf был слушателем Абū Ханифы — основателя наиболее распространенного среди мусульман ханефитского толка, и сделал большую карьеру, которую завершил высокой должностью *кади ал-кудат* в столице халифата Багдаде. Умер в царствование халифа Харūна ар-Рашида. Труд Абū Йūsuf Иа‘кūба переведен на французский язык E. Fagnan под

щенной специально вопросу о разных видах и формах испольной аренды. Считаю целесообразным привести в переводе с арабского всю главу и думаю, что она обратит на себя вполне заслуженное внимание не только историков-востоковедов, но также специалистов по истории России и Западной Европы.

Глава эта носит название: „О сдаче [возделывателю] необработанной земли и земли под пальмами“.¹

„Ты спрашиваешь, о эмир правоверных,² о сдаче на условиях ал-музāра‘а³ (испольной аренды. — А. Я.) необработанной земли из половины или трети урожая. Наши собратья, ученые Хиджаза и Медины, отвергают этот вид ал-музāра‘а, считают его незаконным и говорят: необработанная земля совершенно отлична от земли под пальмами и плодовыми деревьями. Однако ученые эти не видят зла в сдаче пальм и плодовых деревьев на условиях ал-мусāқāt⁴ из трети, четверти, меньшей или большей доли урожая. Наши собратья, ученые Кūфы, расходятся между собой: признающие законной сдачу пальм и плодовых деревьев (ал-мусāқāt) тем самым признают законной сдачу необработанной земли (ал-музāра‘а) из половины или трети урожая; отвергающие сдачу пальм и плодовых деревьев (ал-мусāқāt), отвергают тем самым и сдачу необработанной земли (ал-музāра‘а) из половины или трети урожая; обе группы ученых Кūфы рассматривают сделки эти одинаково: считающие незаконною ал-мусāқāt, тем самым считают незаконной сдачу необработанной земли; считающие же законною ал-мусāқāt, считают законной и сдачу необработанной земли. [Сказал Абū Йūsuf:] Наиболее верное из того, что приходилось нам слышать по этому поводу, а Аллах знает лучше, есть то, что все эти сделки дозволены, справедливы, правильны. С моей точки зрения, все эти сделки подобны денгхам, вложенным в дело (мāl ал-мудāраба), когда один человек передает другому, в качестве вклада, денежную сумму (ал-мāl мудāраба) из половины или трети (т. е. рассчитывает на прибыль из половины или трети. — А. Я.). Такая сделка законна, однако неведомо и неизвестно, какова будет величина дохода ее;

заглавием: Abou Jousof Ja'koub. Le livre de l'impôt foncier (kitāb el-kharādī), trad. et annoté par E. Fagnan. P., 1921, Geuthner, XVI + 352 pp. (Bibliothèque archéologique et historique). Краткая справка об Абū Йūsufe сделана на основе данных, приведенных Е. Fagnan'ом в его avertissement к переводу сочинения Абū Йūsufa.

¹ Абū Йūsuf, Йа'қуб, изд. Булак 1302 г. хид., стр. 50—52, фр. пер., стр. 132—139.

² Абū Йūsuf Йа'қуб имеет в виду халифа Харūна ар-Рашида (786—809).

³ О термине ал-музāра‘а см. специальное толкование в сочинении Абū Исхāка аш-Ширāзи под заглавием „ат-Тавбих“. Аш-Ширāзи — автор XI в. и принадлежал к шафи'итскому толку; см. изд. А. W. T. Juynboll, стр. 144. Кроме того, в глоссарии к этому сочинению со ссылкой на Ибн Касима (стр. 73) дано следующее определение

термину ал-музāра‘а: وهي عمل العامل في الارض ببعض ما يخرج منها والبذر ماله т. е. „ал-музāра‘а есть работа возделывателя на определенном участке земли за часть урожая, а [когда] семена от собственника земли“, стр. XXII.

⁴ О термине ал-мусāқāt см. Абū Исхāк аш-Ширāзи, стр. 142—144. Судя уже по Абū Йūsufу Йа'қубу, ал-мусāқāt отличается от ал-музāра‘а только тем, что на основе испольной аренды сдаются в обработку не участки земли под пашни, хлопок, огороды, а финиковые пальмы и плодовые деревья. Интересно сопоставить термины ал-музāра‘а и ал-мусāқāt с точки зрения самого словообразования. Оба даны в третьей породе, что уже говорит о совместности действия. Характерны и корни, которые лежат в основе двух терминов. В первом случае мы имеем дело с زرع 'засевать', во втором с سقى 'орошать'. В слове ал-мусāқāt и заключено все отличие от ал-музāра‘а, хотя экономически и то и другое только испольные аренды. В обработке пальм и плодовых деревьев наиболее важным является орошение, что и нашло отражение в самом термине.

в этом вопросе, насколько я знаю, нет разногласия среди ученых. Таким образом, с моей точки зрения, земля подобна ал-мудараба, независимо от того, будет ли это земля необработанная, или земля под пальмами и плодовыми деревьями. Сказал он (Абӯ Йусуф): Абӯ Ханифа¹ был из тех [ученых], кто отвергал сделки относительно необработанной земли и земли под пальмами и плодовыми деревьями из трети или четверти, меньшей или большей доли урожая, в то время как Ибн Абӯ Лейла был из тех, кто не видел в этих сделках зла. Абӯ Ханифа и те, кто отвергал эти сделки, прибегали в качестве аргумента к хадису, переданному Абӯ Хисйном со слов Рафи' ибн Хадиджа, сказанных со слов отца его, который слышал непосредственно от посланника Аллаха, что последний проходил как-то мимо одного огороженного участка и спросил: кому он принадлежит? Рафи' ибн Хадидж ответил: участок этот принадлежит мне, я взял его в аренду. Посланник Аллаха сказал: не бери его в аренду ни на каких условиях.

Абӯ Ханифа и те, кто отвергают ал-мусақат, прибегают в качестве аргумента к этому хадису и утверждают: эта иджара (т. е. сдача в аренду за плату деньгами. — А. Я.) незаконна и неведома. Также и по вопросу об ал-музараа из трети или четверти урожая прибегают к хадису Джабри, имеющему в основе своей слова посланника Аллаха, сказавшего, что он отвергал ал-музараа из трети или четверти урожая. Наши собратья, ученые из Хиджаза, как я уже говорил тебе об этом, признают законным ал-мусақат и в качестве аргумента приводят по этому поводу договорную сделку, которую заключил (51) посланник Аллаха с жителями Хайбера² относительно фиников и посевов, причем я не знаю

¹ Мною повсюду опущены все трафаретные выражения, вроде „да помилует его Аллах“, „да благословит и спасет его Аллах“ и т. д.

² Хайбер — оазис на дороге из Мединны в Сирию, в 150 км от Мединны. Оазис считался чрезвычайно плодородным, был богат посевами и особенно финиковыми пальмами; населен он был иудеями. Центром Хайбера был небольшой, но хорошо укрепленный городок с тем же именем. В 628 г. н. э. (в конце 7 г. х.) Мухаммед завоевал Хайбер с отрядом в 1600 человек. О Хайбере см.: *Encyclopédie de l'Islam*, 32, стр. 921—922. Договор, о котором говорит здесь Абӯ Йусуф, нельзя понимать, как договор добровольный. Мухаммед, как завоеватель, принудил покоренную иудейскую общину, чтобы она выплачивала ему половину продуктов своего земледельческого труда. Формально принуждение это обставлено нормами исполнительной аренды, согласно которым Мухаммед в качестве собственника предоставил жителям Хайбера их собственную землю в пользование из половины урожая. О „договоре“ Мухаммеда с жителями Хайбера есть ценный рассказ у ал-Белазури в его „Книге завоеваний стран“ (стр. 23—29), в специальной главе „Хайбер“. Согласно некоторым преданиям, Мухаммед предполагал сначала после взятия Хайбера выселить его жителей, но потом, вследствие отсутствия у него и у его сподвижников рабов, согласился оставить покоренное население на месте, предоставив ему землю на условиях исполнительной аренды (стр. 24) ... لم يكن لرسول الله صلعم واصحابه غلمان يقومون بها. т. е.: „не было у посланника Аллаха и его сподвижников рабов, которые бы обрабатывали землю“. Известно, что термин *гулам*, множественное число *ильма́н*, мог обозначать не только раба, но и отрока вообще, однако по самому смыслу текста его нельзя иначе истолковать, как в понимании „раб“. В другом месте у ал-Белазури приведен другой рассказ, где выступают уже не *гуламан*, а *гумал*, т. е. работники, возделыватели; вот это место: *ولم يكن له من الغُمَال من يكفيه عمل*, т. е. „не было у посланника Аллаха возделывателей, которые бы обрабатывали эту землю, и он отдал ее иудеям, которые бы возделывали ее из половины урожая“ (стр. 25). Повидимому, слово *гумал* есть испорченное переписчиком *гуламан*.

ни одного из законоведов, кто думал бы иначе об этом, кроме той группы ученых из Кūфы, о которой я уже говорил. [Сказал Абū Йūsuf]: Наиболее верное из того, что нам по этому поводу приходилось слышать, а Аллах знает лучше, заключается в том, что все это дозволено и справедливо. Мы следуем хадисам, которые идут от посланника Аллаха по вопросу о мусакāt Хайбера, так как хадисы эти, с нашей точки зрения, более надежны, многочисленны и распространены, чем те из хадисов, которые им противоречат. Сказал Абū Йūsuf: передал нам Нафи' со слов 'Абдаллаха ибн 'Умара, которому сказал 'Умар со слов посланника Аллаха, что посланник Аллаха заключил с жителями Хайбера договор о половине со всего урожая посевов и финиковых пальм. Каждой из своих жен посланник ежегодно (из этого источника. — А. Я.) выдавал сто васков:¹ восемьдесят васков фиников и двадцать васков ячменя.² После того как халифом сделался 'Умар ибн ал-Хаттаб, он произвел раздел Хайбера и предложил женам пророка на выбор: или он наделит их землей или гарантирует им сто васков ежегодно. Между женами начались разногласия, одни из них предпочли, чтобы их наделили землей, а другие предпочли васки. 'А'иша и Хафса выбрали сто васков. Сказал Абū Йūsuf: рассказал нам 'Умар ибн Дйнар: Сидели мы у Абū Джа'фара, и спросил у него некий человек из находящегося здесь общества о кабале³ (договорной исполной сделке) в отношении к [необработанной] земле, пальмам и плодовым деревьям. Абū Джа'фар на это ответил: посланник Аллаха заключил договор о Хейбере с жителями его на условиях работы из половины урожая с тем, чтобы жители Хайбера заботились о пальмах, охраняли, орошали и культивировали их. Когда приближилось время сбора плодов, послал пророк 'Абдаллаха ибн Равāху,

¹ Согласно указанию Абū Йūsufa Йа'кūба, „васк = 60 сā' по мере пророка, 5 васков = 300 сā'; сā' = 5 ритлям с $\frac{1}{3}$ и соответствует кафизу ал-хаджадж". См.: Китаб ал-харādж, арабск. текст, стр. 30. Об этих мерах данные для того же конца VIII в. можно найти и в „Китаб ал-харādж" Йахйā ибн Адама (автор жил во второй половине VIII и начале IX в.). Согласно его указанию, васк = 60 сā'. Таким образом, здесь полное согласие (см. его сочинение, изд. Th. W. Junböll, Leide, 1896, стр. 49, 79 и 100). Однако относительно других весовых единиц показания их расходятся. Согласно Йахйā ибн Адаму, кафиз ал-хаджадж или, что то же, сā' = 8 ритлям (стр. 79, 100). Несколькo ниже он уточняет вес сā' и говорит, что сā' несколько меньше 8 и несколько больше 7 ритлей (стр. 100). Несоответствию этому удивляться не приходится. Известно, что на феодальном Востоке меры и вес в разных областях чрезвычайно различаются. Богатый материал для подтверждения этого положения можно найти в книге знаменитого персидского путешественника XI в. Насир-и-Хусрау „Сафар наме".

² Об этом же говорит и Йахйā ибн Адам (стр. 24).

³ Слово قبالة (кабала) представляет для историка большой интерес, особенно для историка феодальной России. Вспомним только выражение „кабальные сделки". Однако немногим известно, что и в халифате этим термином обозначались, как и у нас впоследствии, также и сделки по всякого рода исполным арендам. В прекрасном глоссарии, составленном De Goeje к сочинению ал-Белазури („Книга завоеваний стран"), термину قبالة (кабала) отведено много места. Со ссылкой на Zamakhshari, Asās в глоссарии, приведено следующее определение термина: وَكُنْتُ مِنْ تَقَبَّلَ بِشَيْءٍ مَقَاطَعَةً وَكُنْتُ بِهِ، т. е. „на всякого, кто договаривается с кем-нибудь относительно чего-нибудь на условиях аренды, пишется по этому поводу запись, причем дело, о котором договаривается это лицо, называется қибāла, а сама записка, в которой вначается сделка, — кабала (ал-Белазури, 84). Несколькo выше со ссылкой на Motagiri приводится еще одно определение термина кабала, где указывается, что в случае, если кабала касается отношений по земле, она

последний произвел приблизительный подсчет урожая фиников, о которых жители Хайбера заботились и с которых приносили пророку цену, соответствующую половинной доле плодов. Как-то группа возделывателей этих финиковых пальм явилась к посланнику Аллаха и сказала: 'Абдаллах ибн Раваха поступает по отношению к нам несправедливо в своем подсчете урожая. Посланник Аллаха сказал: мы берем с вас по предварительному подсчету 'Абдаллаха, но возвращаем вам цену, соответствующую половинной доле урожая. Возделыватели из Хайбера ответили при помощи рук своих так — тут рассказчик пальцами сделал знак, показывающий тридцать — [сказав]: должное вот, им держатся небеса и земля, по-нашему должно быть иначе — мы берем все на себя.¹ Они [действительно] взяли на себя заботу о финиках и доставляли посланнику Аллаха цену, соответствующую половине урожая. Сказал Абū Йусуф; рассказал нам ал-Хаджадж со слов Абū Джафара, слышавшего, как пророк говорил, что он предоставил Хайбер по договору из половины урожая. Абū Бекр, 'Умар, 'Усмāн предоставляли (жителям Хайбера. — А. Я.) землю их по договору из трети урожая. Сказал Абū Йусуф: рассказал нам ал-А'маш со слов Ибрахима ибн ал-Мухаджира, слышавшего от Мусы ибн Талхи, как тот говорил: видел я Са'да ибн Абū Ваққаса и 'Абдаллаха ибн Мас'уда, как они предоставляли свою землю ипольщикам по договору из трети или четверти урожая. Сказал Абū Йусуф: рассказал нам ал-Хаджадж ибн Арта, со слов Абū Джафара, слышавшего, как пророк говорил, что он предоставил Хайбер из половины урожая. Бывало, однако, что пророк, Абū Бекр, 'Умар, 'Усмāн предоставляли земли из трети урожая. [Сказал Абū Йусуф]: Наиболее правильное из того, что мы слышали по этому поводу, а Аллах знает лучше, приведено нами выше. [Сказал Абū Йусуф]: ал-музара'а, с нашей точки зрения, бывает несколько видов. Из них первый есть 'арийа,² нельзя ее понимать в смысле иджара³ (т. е. отдачи земли за плату деньгами. — А. Я.). Вид этот следующий: определенное лицо передает другому землю, которую тот должен обработать. В число условий плата за землю не входит. Лицо, взявшее землю, обрабатывает ее своими семенами, своими быками и затрачивает на нее свои средства. Урожай принадлежит⁴ ему (испольщику. — А. Я.). Харадж должен быть уплачен собственником

принимает форму *ал-музара'а* или *мусақат*, причем вспоминается „договор“ Мухаммеда с жителями Хайбера. Приводит автор вышеупомянутого глоссария и то определение термина *قبالة* (*қабала*), которое дал Quatremère: „Le mot Kabalah désigne, 1° l'adjudication d'une terre, ou de tout autre objet moyennant une taxe, une redevance que l'on s'engageait à payer au fix; 2° la taxe, l'impôt, que l'on payait, en vertu de l'engagement contracté avec le trésor public“ (там же, стр. 84). У Ибн Хаукаля термин *қабала* встречается несколько раз, однако во втором из приведенных Quatremère'ом значений (BGA, II, 20, 90, 276). Встречается термин *қабала* и у ал-Мақдисī (BGA, III, 213, 441) в том же втором значении.

¹ Выражение *وعقد بين دور ثلاثين* мной понято не было; E. Fagnan его перевел явно неверно. Только благодаря любезности акад. И. Ю. Крачковского, разъяснившего смысл этой фразы, мне удалось понять весь связанный с ним отрывок. Место это переводится: „Тут рассказчик пальцами сделал знак, показывающий тридцать“. Знак „тридцать“ вместе с тем есть знак, выражающий одобрение, удовольствие, см.: A. Fischer. Über Finger-Zahlenfiguren bei den Arabern. Islamica, Bd. VI, H. I, S. 48—57.

² О термине *عاریة* см. специальную главу в „ат-Тавбих“ Абū Исхақа аш-Шіразі, стр. 127—130.

³ О термине *اجارة* см. там же, стр. 144—149.

⁴ Здесь явная ошибка переписчика. Это легко усмотреть не только из общего смысла такого „договора“, как *ал-музара'а*, но и из последующих слов самого текста

земли, но 'ушр, если земля 'ушр,¹ уплачивается возделывателем земли. В таком смысле высказывается и Абū Ханифа. Второй вид ал-музāра'а. Земля принадлежит определенному лицу, он призывает другое лицо и передает ему землю с условием, чтобы последний ее вместе с ним обработал. Средства на обработку земли и семена обеими сторонами затрачиваются на половинных началах. Это есть подобие первому [случаю]: урожай делится между ними обоими² (повидимому, на половинных началах. — А. Я.). Если эта земля 'ушр, то 'ушр падает на урожай (в данном случае на обе стороны пропорционально доле урожая. — А. Я.), а если это хараджная земля, то харадж падает на собственника земли.³ Третий вид ал-музāра'а. Это есть сдача необработанной земли за определенную сумму дирхемов (иджāра) на год или на два. Сдача этого рода законна, харадж падает на собственника земли, согласно Абū Ханифе, а если это земля 'ушр, то и 'ушр падает на него. Так же думает и Абū Йūsuf (т. е. сам автор. — А. Я.) по вопросу об иджāра относительно (52) хараджа, что же касается 'ушра, то он падает на владельца хлеба.⁴ Четвертый вид ал-музāра'а. Сдача поля ипольщику (ал-музāра'а) происходит из трети или четверти урожая. Абū Ханифа считает этот вид ипольной аренды незаконным; [по его мнению] взявший в обработку землю должен получить соответствующую плату. Харадж (в этом случае) ложится на собственника земли, так же как и 'ушр. Абū Йūsuf (т. е. сам автор. — А. Я.) считает иначе, а именно: ал-музāра'а этого типа законна при условии обоюдной договоренности. Харадж [по его мнению] ложится на собственника земли, а 'ушр падает на них обоих, соответственно доле урожая каждого из них. Это и есть четвертый вид ал-музāра'а. Пятый вид ал-музāра'а. Земля, семена, быки принадлежат определенному лицу, он приглашает аккара⁵ (испольщика) и передает ему все это. Последний обрабатывает землю из шестой или седьмой доли урожая. Абū Ханифа и его последователи считают этот вид ал-музāра'а незаконным. По их мнению, в этом случае урожай принадлежит собственнику земли, а возделывателю поля причитается соответственная плата. Харадж ложится на собственника земли, а 'ушр падает на урожай. [Сказал Абū Йūsuf]: По моему мнению, сделка эта законна при условии взаимной договоренности согласно с тем, как говорит об этом предание...“.

Уже беглого чтения достаточно, чтобы оценить значимость этой главы как исторического источника. Будучи в должности қадй ал-қудāt, автор прекрасно ориентировался во всей системе аграрных отношений своего времени. Самый труд его — „Книга о харадже“ — не сухое юриди-

¹ 'Ушр значит 'десятина', „земля 'ушр“ есть земля, платящая в качестве государственного поземельного налога не харадж, а десятину. Ал-Белāзурй определяет появление земель 'ушрийа следующим образом: земли, которые были брошены при завоевании их прежними собственниками, раздавались мусульманам, последние их обрабатывали и считали их своими. С земель этих и взимался не харадж, а 'ушр. См. у ал-Белāзурй, стр. 152 (здесь говорится о Сирии); стр. 298 (говорится о западных частях бывшего сасанидского государства). Нельзя не подчеркнуть того факта, что, каково бы ни было происхождение самого 'ушр, он постепенно стал привилегией крупного феодального землевладения.

² Из этих слов ясно видна вышеотмеченная ошибка.

³ Об ал-музāра'а из половины или трети урожая упоминает в своем „Китāб ал-харадж“ и Йахйā ибн Āдам (стр. 44—45). Вообще же об ипольных арендах он упоминает часто, см. стр. 123 и др.

⁴ Здесь, конечно, имеется в виду возделыватель земли, а не собственник.

⁵ Термин аккар употребляется главным образом для обозначения ипольщика вообще.

ческое сочинение, а трактат, где нормы складывающегося мусульманского права теснейшим образом переплетаются с конкретно-реальными отношениями общественной жизни его времени. Все главы его книги читаются с захватывающим интересом, ибо в целом она далеко выходит за пределы своего узкого заглавия. Едва ли будет ошибкой сказать, что для понимания общественного строя халифата, особенно Савāда (Ирāка) при Аббасидах периода сложения их могущества, она дает больше, чем нарративные источники. Мне представляется, что некоторые страницы этой книги по ценности заключенного в них материала почти приближаются к источникам документального порядка, и это несмотря на резко выраженную идеологию их автора. Абū Йūsuf Йа'қуб, как это мы увидим еще не раз, яркий представитель господствующей верхушки феодального общества с развитым и совсем еще не преодоленным рабовладельческим укладом. Крупнейший практик-законовед своего времени, он вместе с тем и один из виднейших идеологов господствующего класса. „Книга о хараджѣ“ — книга откровенная, автор ее смотрит на вещи прямо и отнюдь не замазывает ни своих точек зрения, ни интересов, с ними связанных. Для того, кто занимается изучением форм докапиталистической эксплуатации, в частности, в обществах, земледельческая культура которых построена на основе искусственного орошения, книга эта дает богатейший фактический материал.

Приведенная выше глава об ипольной аренде и ее видах делится на две части. В первой — автор дает как бы историю вопроса, выявляет отношение к сделкам по ипольным арендам разных юридических школ и направлений, а также при помощи излюбленного приема аргументации хадисами делает экскурс в прошлое, к временам и практике Мухаммеда. Во второй, меньшей по объему, но более ценной по своему содержанию части он перечисляет все виды ипольной аренды, которые живут в его время, и, полемизируя с своим учителем Абū Ханифой, высказывает свое отношение к ним. Печатаая русский перевод главы об ипольных арендах и собираясь дать ей посильный исторический комментарий, я вместе с тем считаю необходимым подчеркнуть, что заранее отвожу от себя те стороны комментирования, которые не имеют непосредственного отношения к основному моему вопросу: кто такой ипольщик, о котором говорит Абū Йūsuf, и каково его место в системе конкретных производственных отношений VIII в. в аббасидском халифате. Таким образом, я опускаю в этой статье анализ всех тех юридических направлений, о которых упоминает Абū Йūsuf Йа'қуб.

К какому же общественному строю относятся вышеприведенные формы ипольных аренд, как они даны в книге о хараджѣ Абū Йūsuf Йа'қуба? Поверхностный взгляд, лишенный тщательного анализа исторической среды, может принять общество, о котором говорит Абū Йūsuf Йа'қуб, за высокоразвитое феодальное общество. Как признак зрелости последнего при поверхностном взгляде можно принять развитые денежные отношения в нем.

В самом деле, нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что денежные отношения, столь характерные для халифата,¹ которые

¹ Это прекрасно уже доказано работами Kremer'a: *Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen* (см. главу Die Finanzen); *Über das Budget der Einnahmen unter der Regierung des Harun Al-Rašid*. См. также рецензию В. Розена на работы Кремера (ЗВО, т. IV, 1889, стр. 128—130).

выражаются прежде всего в огромной денежной доле государственного бюджета, с достаточной четкостью выступают и в главе об ипольных арендах.

Позволю себе напомнить из нее два только места. Передавая известный хадис о сдаче Мухаммедом земель под финиковыми пальмами и посевами жителям Хайбера на условиях „испольной аренды“ из половины урожая, Абӯ Йӯсуф Йа'қуб подчеркивает, что „испольщики“ выплачивали Мухаммеду причитающуюся ему долю не только натурой (финиками), но и деньгами. Можно, конечно, подвергнуть самый факт этот сомнению, высказав подозрение, что хадис о Хайбере в той форме, как он представлен у Абӯ Йӯсуфа, сочинен впоследствии. Пусть даже все это подозрение будет целиком справедливо и хадис сочинен, но и тогда все равно останется неопровержимым факт, что в VIII в. ипольные аренды в денежной форме имели место. Еще убедительнее подчеркивает денежные отношения та часть главы об ипольных арендах, где говорится о сделках, носящих имя *иджара*.

Абӯ Йӯсуф Йа'қуб противопоставляет натуральный характер сделок денежному и для обозначения денежных сделок вводит юридически четкий термин *иджара*. Вспомним третий вид *ал-музараа*. „Это есть сдача необработанной земли за определенную сумму дирхемов на год или на два. Сдача этого типа законна“.¹ Ясно, что здесь *иджара* выступает как сделка по сдаче в аренду за деньги. В том же смысле этот термин комментируют и арабские юристы разных толков. Во всяком случае, именно в этом значении и трактуется *иджара* у шафиитского автора XI в. Абӯ Исхāқа аш-Ширāзӣ в его книге „ат-Танбих“, в главе под названием „ал-иджара“.² Приведенное выше место Абӯ Йӯсуфа об *иджара* только подчеркивает, что и в VIII в. этот термин употреблялся в том же значении, как и впоследствии в XI в. Итак, хорошо известная в науке наличность развитых денежных отношений аббасидского халифата VIII в. нашла свое отражение и в изучаемой мной главе об ипольных арендах.

Невозможно правильно понять ни ипольных аренд, ни ипольщика, о котором говорит Абӯ Йӯсуф, если не дать более или менее точного определения стадийного состояния того общества, к которому они относятся. Наличность развитого городского строя, товарно-денежных отношений, о которых выше говорилось, удельный вес ремесла в хозяйстве того времени, а также место, которое занимает торговля и, в частности, караванная торговля, давали как бы право предполагать, что перед нами в Ираке, в лице наиболее культурной области халифата, выступает уже зрелое феодальное общество. Так я раньше и смотрел, и эта моя точка зрения достаточно ясно высказана по вопросу о более позднем Саманидском государстве IX—X вв.³

Мои последующие занятия по изучению социального строя халифата, главным образом на материале Савāда (Ирака) VIII в., привели к тому выводу, что вышеуказанные черты являлись не следствием развитых и отчасти начинающих уже разлагаться феодальных отношений, а результатом сложного комплекса причин, в том числе и рабовладельческого

¹ Абӯ Йӯсуф Йа'қуб, арабский текст, стр. 51.

² Jus schafiiiticum, at Tanbih, auctore Abu Ishak As Shirazi, ed. A. W. T. Juynboll, стр. 144—149.

³ См. мою статью „Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. (Труды Историко-археограф. инст. и Инст. востоков. АН СССР, т. VI, вып. 3, Л., 1933, стр. 1—60).

уклада, который в истории средневекового Востока играл такую исключительную роль. Внимательное изучение источников как нарративных (историческая и географическая литература), так и сочинений типа „Книга о *харādже*“¹ показало, что без учета рабского труда система общественного строя халифата не будет понята совсем. Рабство и рабский труд в социально-экономической жизни халифата играли огромную роль.

В своей статье „Ирак на грани VIII—IX вв.“² я старался определить эту роль и доказать, что общество того времени может быть охарактеризовано как общество, где феодальные отношения еще далеко не созрели, где бенефиций еще только складывается, где крупные земельные владения, так называемые *каṭā'i* и *дийā'* обрабатываются главным образом *испольщиками*. Вместе с тем это есть время, когда рабовладелец может легко стать феодалом, поскольку он переводил своих рабов на положение *колонов-испольщиков*, посаженных на землю, или поскольку он получал от государства в качестве бенефиция (впоследствии это будет называться *иктā'*) на тот или иной срок ту или иную долю *харādжа*. Это было общество, где государство возглавляло класс крупных земельных собственников, не порвавших еще с рабовладельческой формой эксплуатации. Само государство это, сформированное в мощный централизованный аппарат, владело огромными землями, где сидели земледельческие сельские общины, члены которых — крестьяне — были обязаны выполнять государственные повинности.

Крестьяне эти метились особыми свинцовыми, привешенными к их шеям бляхами, на которых значились все необходимые власти данные.³ Характерно, что государство в порядке внеэкономического принуждения изымало от указанных крестьян (сельские общины) в форме *харādжа* (государственного поземельного налога) $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ всего производимого продукта.⁴

В мою задачу не входит давать здесь анализ разным видам *харādжа* (*мисāха*, *муқāсама*, *муқāта'a*).⁵ Нужно только подчеркнуть, что наиболее распространенный вид *харādжа* был *харādж муқāсама*, состоявший в том, что налог взимался продуктами пропорционально урожаю. Величина этого налога колебалась в среднем между $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ всего производимого продукта.

При *харādже мисāха* налог взимался в смешанном виде (натура + деньги), причем учитывалось заранее, сколько должна платить единица определенного качества и определенной культуры земли. *Харādж* был

¹ Имеется в виду, главным образом, выше цитированная „Книга о *харādже*“ Абū Йūsufa Йа'кūба.

² Труды I сессии Ассоциации арабистов. (Тр. Инст. востоков., т. XXIV), М.—Л., 1937, стр. 25—49.

³ См. Абū Йūsuf, арабский текст, 22. — Denys Tell-Mahré. Chronique, quatr. partie, фр. пер., стр. 104, 105, 123—124. — Особенно интересны сведения, даваемые Denys Tell-Mahré. Арабские власти на бляхах, которыми метились крестьяне, подлежащие *харādжу*, записывали все нужные им сведения: селение, ближайший город, приметы и т. д. Подробнее см. в упомянутой выше моей работе.

⁴ До настоящего времени лучшими страницами, посвященными вопросу о *харādже*, является сочинение М. Van Berchem (La propriété territoriale et l'impôt foncier. Genève, 1886); в данном случае см. стр. 45—53).

⁵ *Харādж* в форме *муқāсама* не есть создание халифата. Как самый анализ термина *харādж* (пехлевийское *harag*), так и указания арабских авторов говорят за то, что и в сасанидском Иране государство взимало земельный налог в форме *муқāсама* и *мисāха*. См.: Абū Ханйфа ад-Дйнаверй, стр. 72—73. — Ат-Табарй, Prima series, II, стр. 960—963. Ибн Хаукаль, BGA, II, стр. 217—218. — Небезынтересно также указание ал-Белāзури, стр. 298.

не только главным источником государственных доходов, но одним из тех каналов, по которым проходил дальнейший рост феодальных отношений. Известно, что власть за участие землевладельцев в гражданском и военном управлении платила не только деньгами, но еще в большей мере той или иной долей *хараджа*.

Естественно, что впоследствии именно по этой линии и будет развиваться восточный тип бенефиция — *икта*¹, который к концу сельджукской эпохи превратился в феодал.

Другим каналом роста феодальных отношений был перевод рабов в колонны, в положение как исполщиков, так, повидимому, и барщинно-обязанных земледельцев.

К сожалению, последний вопрос пока мало изучен, и в нашем распоряжении нет даже самого малого количества фактов. Учитывая два указанных пути, по которым шло развитие феодальных отношений, необходимо особо подчеркнуть ту решающую роль, которую в деле ликвидации рабовладельческих форм эксплуатации играли восстания рабов, завершаемые знаменитой революцией зинджей в 70—80-х годах IX в.

Исполщик Абū Йусуфа действует в условиях незрелого феодализма с сильно развитым рабским укладом.

На чьей же земле работает исполщик? Кто тот собственник земли, который заключает в качестве эксплуататора сделку об исполной аренде? Ответить на это нетрудно. Собственниками земли являются прежде всего владельцы так называемых *катā'и* и *дийā'*. Не вдаваясь в вопрос, в какой мере последние можно рассматривать как частную земельную собственность или только как частное владение, мне хочется подчеркнуть, что они имеют место в халифате с первых же дней его существования.²

В VIII в. в Савāде и других культурных центрах халифата *катā'и* были самого разнообразного происхождения. С одной стороны, это земли уцелевших персидских дехканов,³ с другой — земли завоевателей, получивших владения в качестве добычи во время войны,⁴ с третьей — земли, розданные отдельным воинам в качестве ленов,⁵ с четвертой — земли членов и близких династии. Среди этих *катā'и* и *дийā'* были владения крупные, средние и мелкие. Характерно, что крупные имения, как правило, *хараджем* не облагались, а были по большей части землями *'ушр* (платящими только десятину), а то и совсем освобождались от налогов.⁶ Среднее землевладение, а особенно мелкое, — значилось в числе хараджных земель и подвергалось всем тяготам налогового бремени.

Пользуюсь случаем, чтобы привести характеристику крупного и мелкого землевладения начала X в., данную В. Розеном в примечательной рецензии на работы Кремера и, в частности, на „Über das Einnahmenbudget des Abbasiden-Reiches vom Jahre 306 H. (918—919)“. „Мелкий

¹ См. интересную и очень важную главу у ал-Мавердī (Китаб ал ахкām ас-султāний-йа об иктā', особенно стр. 337—340).

² Богатый материал для подтверждения этого положения имеется в разных частях сочинения ал-Белāзурī.

³ Абū Йусуф Йа'куб, арабский текст, стр. 21.

⁴ Ал-Белāзурī, стр. 447.

⁵ Фактов этого рода сообщает особенно много ал-Белāзурī; см., напр., стр. 128. Будучи ленами по своему происхождению, эти земли переходили часто по наследству, а потом и в чужие руки путем покупки.

⁶ Подробно см. в рецензии В. Розена (ЗВО, т. IV, 1889, стр. 135).

собственник, — пишет В. Розен, — ...был совершенно в руках местной администрации, которая его грабила нещадно, обогащаясь безнаказанно за его счет. Но крупный собственник, с большими или меньшими связями при дворе или во влиятельных военных и чиновных сферах, всегда мог рассчитывать на них, и чем слабее становилась центральная власть халифа, тем эти выгоды больше.

„Благодаря этому стремлению к приобретению больших пространств земли образовалось множество крупных поместий, латифундий, *дай'а*, *мн. ч. дий'а*, и число мелких собственников сокращалось все более и более; они превращались в фермеров¹ или простых рабочих, батраков, или уходили в большие города, усиливая городской пролетариат.² Бесправность и необеспеченность мелких владельцев доходили до того, что они иногда свои земли как бы переписывали на имя какого-нибудь вельможи, по взаимному с ним договору, чем достигалось значительное понижение податей и повинностей, ибо власть имущие классы заботились о том, чтобы с их крупных земельных владений поземельная подать взималась не только без переборов, но в меньших размерах против законной нормы“.³

Читая эти ярко написанные строки, менее всего представляешь себе зрелое феодальное общество, наоборот, здесь явно преобладают античные черты, в значительной мере, правда, преувеличенные. А ведь не надо забывать, что характеристика эта относится к началу X в., когда халифат, после грандиозного восстания рабов 70—80-х годов IX в., очень ослабил формы эксплуатации рабов и тем самым потерял черты „античности“.

Приводя эти слова В. Розена, нельзя пройти мимо того факта, что крупнейший русский арабист конца XIX и начала XX в., филолог, в своих исторических заметках и статьях был на большей высоте, чем многие специалисты-историки — его современники.

Итак, крупное землевладение — *дий'а* и *кат'а'и* — было по сравнению со всеми другими землями в привилегированном положении; чаще всего владельцы платили с них *'ушр*.

Кем же обрабатывались все эти имения — крупные, средние, мелкие? С одной стороны, мы видим на них труд рабов или рабов, переведенных в положение колонов, с другой — тех самых *испольщиков*, о которых и говорит приведенная выше глава из „Книги о *харадже*“ Абū Йūsufa. Когда Абū Йūsuf пишет о „собственнике земли“, он имеет в виду всех этих собственников, о которых говорилось выше. Нельзя здесь пройти мимо одного чрезвычайно характерного факта. Излагая условия разных видов *испольных аренд*, Абū Йūsuf все время ставит вопрос, как должен распределяться государственный земельный налог между собственниками земли и *испольщиками*.

Точка зрения Абū Йūsufa такова. *Харадж*, если земля *хараджная*, всегда уплачивается собственником земли, а *'ушр*, если земля *'ушр* (десятина), уплачивается или целиком *испольщиком*, или обеими сторонами, соответственно доле урожая каждой из договорившихся сторон. Едва ли этот факт нуждается в подробном комментарии. Абū Йūsuf защищает самые беззастенчивые формы эксплуатации *испольщика*, соблюдая в первую очередь интересы крупного землевладения. В самом деле,

¹ Имеются в виду разбираемые нами *испольщики*.

² Слово „пролетариат“ употреблено здесь в античном смысле.

³ ЗВО, т. IV, 1889, стр. 134.

что это значит, когда *харāдж* падает на собственника земли, *'ушр* — или целиком на ипольщика, или взимается пропорционально его доле урожая? Хараджные земли — земли мелкие или средние, *харāдж* фактически не касается крупного землевладения, а раз так, то пусть платит его та сторона кабальной сделки, которая дает землю. Однако, когда дело касается *'ушра* (десятины), т. е. того земельного налога, который платится крупное землевладение, точка зрения Абū Йūsufa резко меняется, и он стремится или целиком освободить собственника земли от налога, или, по крайней мере, частично. И это — несмотря на то, что *'ушр* значительно меньше *харāджа*.

Что Абū Йūsuf в установлении законных условий ипольных аренд проводит максимально эксплуататорскую точку зрения, насквозь проникнутую интересами ростовщического капитала, видно из целого ряда мест его работы, в частности, из разбираемой главы об ипольщиках. Ему приходится не раз полемизировать со своим учителем Абū Ханифой, точка зрения которого по вопросам ипольных аренд более „демократична“. Говоря о четвертом виде *ал-музāра'а*, когда сдача земли ипольщику происходит из трети или четверти урожая, Абū Йūsuf пишет: „Абū Ханифа считает этот вид незаконным, по его мнению взявший в обработку землю должен получить соответствующую плату. *Харāдж* в этом случае ложится на собственника земли так же, как и *'ушр*“.¹ Абū Йūsuf не принимает этого и отвечает: раз обе стороны договорились, то все обстоит хорошо, и все сделано по закону.

Защищает Абū Йūsuf от нападок Абū Ханифы и пятый вид *ал-музāра'а*. „Земля, семена, быки принадлежат определенному лицу, он приглашает ипольщика (аккар) и передает ему все это. Последний обрабатывает землю из шестой или седьмой доли урожая“.² В этом пункте выступает вся классовая сущность воззрений Абū Йūsufa Йа'куба. Стоит только немного остановить внимание на пятом виде *ал-музāра'а*, чтобы понять кабальные условия этой сделки, максимально связанной с ростовщическим капиталом.

В самом деле, кого мы видим здесь в лице ипольщика-возделывателя?

Если бы ипольщиком пришел наниматься соседний крестьянин, то он явился бы, наверно, со своим быком (семян у него могло и не быть), здесь же мы видим человека обезземеленного, у которого — только умение возделывать землю и ничего больше. Это обстоятельство особенно и учитывалось собственником земли, который тут же предоставляет ипольщику все средства производства, но берет себе за то $\frac{5}{6}$ или $\frac{6}{7}$ урожая. За предоставленные семена, быков и иногда орудия производства собственник земли взимает поистине ростовщические проценты.

Итак, имения крупных, средних и мелких землевладельцев обрабатывались в огромной своей доле возделывателями на основе изложенных выше Абū Йūsufом ипольных аренд. В нарративных источниках можно найти много фактов, подтверждающих это положение.

Очень интересен рассказ ал-Белāзурī об имениях (*дийā'*) в Палестине, повидимому, принадлежавших династии (дело происходит при Хārūне ар-Рашīде), находившихся в привилегированном по отношению к *харāджу* положении и покинутых земледельцами.³ В своем переводе этого места

¹ Абū Йūsuf, арабский текст, стр. 52.

² Там же, стр. 52.

³ Ал-Белāзурī, стр. 144.

Н. А. Медников „земледельцев“ называет фермерами.¹ Сам термин этот, конечно, неудачен, но мысль переводчика вполне правильна, так как очевидно, что он имел в виду ипольщиков. Характерна терминология, которую употребляет ал-Белāзурй по отношению к земледельцам: *فدما* „И позвал он землепашцев и ипольщиков их (этих имений) и предложил, чтоб они возвратились“. Термин *акра* (ед. число *акр*), как почти всегда видно из контекста, означает ипольщика. В этом же смысле термин *аккар* встречается и у географов.²

Ипольщик „договаривался“ работать не только на землях крупных или средних имений, но и на землях мелких собственников. В „Сийасет нāме“, автором которого является известный везир сельджукских султанов конца XI в. Низām ал-мульк, есть любопытное указание о том, как мелкий землевладелец выступает в качестве сдающего часть своей земли возделывателю на началах ипольной аренды. Дело идет здесь о некой старушке, владелице небольшого земельного участка, повидимому, не из простых крестьян, а благородной по происхождению *اصيل زاده*. Не будучи в состоянии сама обрабатывать землю в силу своей старости, не имея ни мужа, ни детей (они умерли), старушка землю свою сдавала соседу земледельцу, как ипольщику.³ Едва ли можно сомневаться, что перед нами самый обычный факт аграрных отношений Востока, характерный не только для XI в. (Низām ал-мульк явно перенес практику своего времени в эпоху Сасанидов), но и для эпох как значительно более ранних, так и более поздних. Ипольные аренды нигде, пожалуй, не занимали такого места в системе земледельческого хозяйства, как на феодальном Востоке.

Кем же были сами ипольщики и в каком отношении они находились к той массе крестьянства, которая жила в условиях сельской общины, была прикреплена к государственной земле и выплачивала от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ всего производимого ею продукта в форме *харādжа*? Постараюсь ответить на этот вопрос в связи с видами ипольных аренд, которые дает в своей работе Абū Йūsuf.

Первый вид *ал-музāра'a* в основном сводился к тому, что собственник земли предоставлял ипольщику только землю. „Лицо, взявшее землю, обрабатывает ее своими семенами, своими быками и затрачивает на нее свои средства“.⁴

Второй вид *ал-музāра'a* отличается от первого тем, что средства (семена, скот, деньги и т. д.) затрачиваются обеими сторонами на половинных началах.

Общим для этих двух видов ипольной аренды являлся тот факт, что ипольщик приходит как владелец средств производства. Ипольщиком этим может быть крестьянин соседнего с имением селения. Феодальный Восток, живший в условиях искусственного орошения, всегда страдал от малоземелья.

Это настолько общеизвестный факт, что доказывать его не приходится. В каждом селении находилось достаточное количество малоземельных земледельцев.

¹ Н. А. Медников. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. СПб., 1897, т. I, вып. 2, стр. 85 (исторические тексты).

² BGA, II, 217.

³ Nizām oul-Moulk. Siasset Namèh, texte persan, ed. Ch. Schefer, 1891, стр. 33.

⁴ Абū Йūsuf Йа'күб, арабский текст, стр. 51.

Они-то и давали главным образом основной кадр того типа исполщиков, которые носят имя *мунāсиф* (т. е. половинщик). Вторую категорию исполсных аренд составляет пятый вид *ал-музара'а*. Его характерной чертой является то обстоятельство, что собственник земли предоставляет исполщику не только землю, но семена и быков. В этом случае исполщик, которого Абū Йūsuf называет *аккār*, выступает в качестве рабочей силы, оторванной от средств производства, причем исполщик получает всего лишь шестую или седьмую долю урожая. Нечего и говорить о том, как тяжелы эти „кабальные“ условия для непосредственного производителя. Здесь ростовщический капитал предоставляет исполщику только предельный прожиточный минимум, без чего не может существовать и сама рабочая сила производителя.

Едва ли можно думать, что в исполщики этого типа шли малоземельные крестьяне. Как бы ни было тяжело их положение, но, заключая сделки по исполсным арендам, они всегда могли прийти, если и без семян, то со своим живым и мертвым инвентарем. Чтобы принять условия пятого вида *ал-музара'а*, нужно было не иметь ничего, кроме рабочих рук и умения обрабатывать землю. Этим условиям удовлетворяли в первую очередь обезземеленные крестьяне, которых на Востоке на всех ступенях развития феодальной формации было очень много. Особенно много обезземеленных крестьян было в Саваде в эпоху аббасидского халифата как в конце VIII в., так и в X в. Вспомним вышеприведенные слова В. Розена, о том, что „число мелких собственников сокращалось все более и более; они превращались в фермеров (исполщиков. — А. Я.) или простых рабочих, батраков...“.

Заканчивая эту свою небольшую статью об исполсных арендах в VIII в., мне хотелось бы выразить желание, чтобы поставленный в ней вопрос не прошел мимо историка-востоковеда. Исполщик в сельском хозяйстве тех частей феодального Востока, которые жили в условиях искусственного орошения, фигура крупная, без нее не понять ни аграрных отношений, ни истории революционных движений большей части областей Передней и Средней Азии. Известно, что исполщик жил во все периоды феодализма на Востоке и дожил в ряде зарубежных стран до наших дней.

Выявить этого исполщика в конкретной исторической обстановке, определить его место в сельском хозяйстве — задача настолько актуальная, что ею стоит заняться.
